

ЕЛЕНА КОСИЛОВА*

ОТ ВОЛИ К ВЛАСТИ К БЕССИЛИЮ**

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Получено: 20.03.2023. Рецензировано: 22.04.2023. Принято: 24.04.2023.

Аннотация: Статья посвящена проблеме соотношения власти и знания. Так вопрос ставит Ф. Ницше, рассматривая истину в свете воли к власти. Волю к власти Ницше трактует широко — как общую жизненную энергию, стремление к распространению собственной субъектности. В этом смысле его воля к власти близка «жизненному порыву» М. Шелера и А. Бергсона. Критерий истины — полезность для жизни, чувство мощи, знание предстает как орудие для повышения власти. Связав знание и жизненные цели, Ницше превзошел учения эволюционной эпистемологии, радикального конструктивизма. Им превозносится хитрость, манипулирование знанием, интерпретация последнего в своих целях. Невозможно говорить о мире как он есть, мир является только ареной для развертывания власти, он сущностно субъективен. Ж.-П. Сартр называет овладение знанием «пищеварительным отношением». В отличие от Ницше М. Хайдеггер связывает истину со свободой и говорит о допущении бытия сущего, о принятии мира как тайны. Власть и свобода несовместимы, поэтому в стремлении к свободе и тем самым к истине субъект должен отказаться от власти. Он принимает экзистенциальную позицию осознанного бессилия. В этой позиции мир раскрывается ему как насыщенный феномен (Ж.-Л. Марион). Отношение к миру как к насыщенному феномену не допускает манипулирования, интерпретации и присвоения. В приложении к анализу философского мышления это означает отказ от построения систем, постоянное вопрошание, попытки понять и одновременно возражения самому себе, как и поступает Л. Витгенштейн. В мистической традиции суфизма отказу от интерпретирующего мышления соответствует «внутренняя тишина». «Я» субъекта не пропадает, его деятельность заключается в разработке системы ценностей.

Ключевые слова: воля к власти, знание, бессилие, свобода, насыщенный феномен, Ницше, Хайдеггер, Марион.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-26-42.

ЗНАНИЕ И ВЛАСТЬ У НИЦШЕ

Для философии второй половины XX века рассуждения о тесной связи между знанием и властью были общим местом. По большей части они были сосредоточены на том, как власть манипулирует знаниями

*Косилова Елена Владимировна, д. филос. н., доцент; МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва), implicatio@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2261-7680.

**© Косилова, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в целях осуществления властных практик. Под таким углом, например, рассматривает знание М. Фуко. Вот характерные для него слова:

Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности... (Фуко, Табачников, 1996: 51)

Здесь Фуко употребляет собственный термин «дискурс», но эти слова можно отнести и к знанию вообще. Если оставить в стороне социологические аспекты, то в этом он следует Ницше. На мой взгляд, никому не удалось так ярко показать властную сущность знания, как Ницше. Он предвосхитил идеи таких учений конца XX века, как эволюционная эпистемология, радикальный конструктивизм, энактивизм, философия процесса, уже не говоря о постмодерне. Остановимся на идеях Ницше.

Прежде всего, он релятивист и не верит в единственную абсолютную истину. «...И сфинкс также имеет глаза — а следовательно, существует и много „истин“; а следовательно, истины совсем не существуют» (Ницше, Соловьева, 2017: 324). Он не интересуется устройством мира. Проблемы философии математики и физики — не его проблемы. Истина для него вообще не то, что совпадает с реальностью. Истина — это чисто инструментальная вещь, орудие для действия в мире:

Весь познавательный аппарат есть абстрагирующий и упрощающий аппарат — направленный не на познание, но на овладение вещами: «цель» и «средство» так же далеки от истинной сущности, как и «понятия». При помощи «цели» и «средства» овладевают процессом (измышляют процесс, доступный пониманию), а при помощи «понятий» — «вещами», которые образуют процесс (там же: 305).

Именно это утверждается в эволюционной эпистемологии: познание всегда было орудием для адаптации и никогда — целью самой по себе. Ницше останавливается на анализе категорий, которые, по его мысли, появились как необходимые упрощения для экономии мышления. Все наше мышление есть орудие для действия в мире. Именно так понимают мышление и эволюционные эпистемологи, например Г. Фоллмер (Фоллмер, Кезин, 1998) и К. Лоренц (Лоренц, Толстов, 1997). Оно не должно соответствовать миру, оно лишь должно помогать в нем выживать. Это идея Ницше:

Истина есть тот род заблуждения, без которого некоторый определенный род живых существ не мог бы жить. Ценность для жизни является последним основанием (Ницше, Соловьева, 2017: 303).

Однако Ницше не останавливается на констатации того факта, что мышление приспособлено для адаптации. Наоборот, такая формулировка его бы возмутила, потому что «адаптация», «выживание приспособленных» есть, согласно его кодексу чести, унижение для человека высшего порядка. Он стремится дать новую систему ценностей не для выживания, а для формирования исключительного субъекта, для развертывания его силы, мощи, мужественности. Все это входит в его понятие «воля к власти».

Волю к власти Ницше трактует очень широко. Она действует даже в неживой природе в виде «внутренней воли» (там же: 366)! (Здесь Ницше иногда похож на панпсихиста.) Что же касается животных, то «по отношению к животному можно вывести все его влечения из воли к власти» (там же: 367). Фактически воля к власти есть некая жизненная сила, «жизненный порыв» Шелера и Бергсона. С властью в узком смысле она может не иметь ничего общего. Трудно представить себе волю к власти у какой-нибудь землеройки. Однако и она стремится питаться, размножаться и предъявлять права на свою территорию.

Нам важно проследить, как такой воле к власти может служить знание. «Познание работает как орудие власти. Поэтому совершенно ясно, что оно растет соответственно росту власти» (там же: 297).

«Истинно» со стороны чувства — то, что сильнее всего возбуждает чувство — «я»; со стороны мышления — то, что сообщает мышлению наибольшее чувство силы; со стороны осязания, зрения, слуха — то, чему оказывается наибольшее противодействие. Следовательно, высшие степени деятельности вызывают по отношению к их объекту веру в его «истинность», т. е. действительность. Чувство силы, борьбы, противодействия убеждает в том, что существует нечто, чему здесь противодействуется. Критерий истины лежит в повышении чувства могущества (там же: 322).

Последняя фраза очень важна, и эту мысль стоит развить (Ницше ее многократно повторяет). Чувство могущества действительно, по-видимому, неразрывно связано с продуктивным мышлением. Могущественным себя ощущает творец, создавший произведение. Яркое удовольствие, которое сопутствует пониманию сложного материала, сопряжено с возможностями его дальнейшего развития, интерпретации, манипулирования им. Познание — это овладение, присвоение себе

новых мыслей, обогащение себя. Это неразрывно связано с могуществом и волей.

Можно сравнить Ницше с Сартром. Вот как выражает эту мысль последний:

К тому же присваивать, как мы указали в преамбуле к четвертой части, — значит знать. Поэтому научное исследование является не чем иным, как усилием и стремлением к присвоению. Открытая истина, как и произведение искусства, есть мое знание; оно является ноземой мысли, которая раскрывается, только когда я формирую мысль, и которая поэтому появляется определенным способом, и я поддерживаю ее существование. Именно мной раскрывается лицо мира, я его открываю. В этом смысле я творец и владелец. [...] ...В познании сознание привлекает к себе свой объект и впитывает его в себя; познание — это усвоение. Труды по эпистемологии во Франции кишат пищевыми метафорами (усвоение, выделение, ассимиляция). Таким образом, здесь есть движение растворения, которое идет от объекта к познающему субъекту. Познаваемое преобразуется в меня, становится моей мыслью (Сартр, Колядко, 2004: 581).

Безусловно, обладание тоже есть вид власти, так что Сартр здесь близок к Ницше. Сартр далее высказывает очень важную мысль: «пищеварительное» отношение к познанию фактически уничтожает объект. Будучи познанным, он ассимилируется, составляет содержание мысли субъекта и уже не может существовать в качестве неизвестного, привлекательного, тайного. Мы уничтожаем то, чем овладеваем, что познаем. Манипулируя объектом, интерпретируя и толкуя его, мы сводим его к собственным понятиям. Чтобы понимать, мы накидываем на объект знакомую сетку категорий. Мы подыскиваем примеры из жизни, мы делаем новое знание обжитым. Мы готовы теперь и навязать его другим, и, чем лучше мы его присвоили, тем ближе мы к тому, чтобы его навязывать. Так власть над знанием непосредственно переходит во власть над людьми (разве не таково часто преподавание?).

Ницше это ничуть не беспокоит. Власть несравненно важнее истины, поэтому допускает обман и хитрость:

Увеличение «притворства» по мере того, как мы поднимаемся по иерархической лестнице существ. [...] Высшие люди, как Цезарь, Наполеон (слова Стендаля о нем); также и высшие расы: итальянцы, греки (Одиссей); многогранная хитрость составляет существо возвышения человека... [...] Оптика всех органических функций, всех сильнейших жизненных инстинктов; ищущая заблуждения сила во всякой жизни; заблуждение как предпосылка даже

мышлению. Прежде «мысли» должен был уже быть «вымысел»; приспособление материала с целью получения тождественных случаев, видимости равенства первоначальнее, чем познание равного. «Волю к истине» нужно в силу этого исследовать психологически: она не есть моральная сила, но форма воли к власти (Ницше, Соловьева, 2017: 349).

Здесь, правда, он немного противоречит сам себе: то у него воля к власти требует хитрости, то все же сопрягается с некоей волей к истине, но общая мысль понятна. Овладеть любой информацией предпочтительно с целью манипулирования ею, нежели сохранения ее в неприкосновенности, в то время как только второе открывало бы путь к дальнейшему более глубокому познанию.

Сартр, заметим, в анализе познания как обладания идет дальше Ницше. У Ницше познание по существу не может быть истинным. В его мире «истину» надо заключать в кавычки; истинно то, что полезно и увеличивает власть. Однако в опыте обычного человека и тем более в опыте ученого довольно часто приходится иметь дело с нейтральной истиной. Математик доказывает теорему, физик открывает свойства элементарных частиц, филолог исследует древний язык. Во всем этом выход на практику может быть, а может и совсем не просматриваться. Опустим те соображения, что наши познавательные способности сложились эволюционным образом или исторически. Так или иначе в меру своих сил сейчас они могут работать в направлении чистого познания. Ницше такую ситуацию не рассматривает, а Сартр вполне имеет ее в виду.

Чистое познание не в меньшей степени обладание, чем практическое. Здесь власть субъекта распространяется на область мысли, но это та же власть, и от нее неотъемлемо насилие. Прежде всего это касается понимания и всегда присутствующей в понимании интерпретации. Опять обратимся к Ницше: правда, он упоминает интерпретацию в странном контексте — говоря о животном мире. Но эти слова относятся к интерпретации вообще, к любой интерпретации:

Воля к власти интерпретирует (при образовании органа речь идет об интерпретации): она устанавливает границы, определяет степени, различия во власти. Простые различия во власти не могли бы еще ощущаться как таковые — тут должно быть еще нечто, желающее расти, которое интерпретирует всякое другое нечто, также желающее расти, в отношении его ценности. В этом — одинаково. В действительности интерпретация сама есть лишь средство достигнуть господства над чем-нибудь (там же: 377).

В отношении к мысли это представляется безусловно истинным. Мы овладели идеей, понятием, теорией, природным законом, законом языка, если можем интерпретировать это. Это значит сформулировать другими словами, подобрать примеры, перенести в новую область, сделать предсказания (физика), использовать для решения задач (математика), перевести неизвестный текст (филология). Именно это имеет в виду и Сартр. Это называется «овладеть». Таким образом мы распространяем свою субъектность в новую область, начинаем там осваиваться и жить, а значит, пропадает «господство тайны тайн», по выражению Хайдеггера.

Обратимся к случаю философского мышления. Здесь знание, овладение и интерпретация особенно губительны. Ницше, как известно, философствовал молотом, именно поэтому многого не учел. Великие мыслители прошлого нередко строили системы. Иногда нельзя сказать о системе, но явно видна руководящая идея. В зависимости от темперамента автора те или иные аргументы учитывались или не учитывались, различные соображения приносились в жертву общему целому. Философы выходили, так сказать, на поле чистого мышления и возделывали его на свой лад. Очень многие подыскивали аргументы, придавая им видимость строгости. Часто они сами жили в построенных ими зданиях, своей жизнью ручаясь за их прочность и надежность.

Почти к любой такой системе и теории (от Платона до Гегеля и Делёза) последователи находили множество возражений. Что помешало самим философам их увидеть? Нежелание? Излишняя самоуверенность? Я полагаю, они слишком увлеклись своей властью над мышлением. Они ощутили мощь разума. И, точно по Ницше, это ощущение мощи было связано с волей к власти, а не с созерцанием истины. Мощь — очень подозрительная вещь. Мысль гибка, и разум легко переходит от познания к насилию. Сартр сказал бы: они познали объект и тем самым уничтожили его.

Про такой аспект воли к власти, как преобразование окружающего мира, излишне даже упоминать. Тут власть абсолютно неприкрыта, никакой особый анализ не нужен. Овладение природой и ее уничтожение у всех на виду. К той же теме относится и хайдеггеровское господство постава (Хайдеггер, Бибихин, 1993: 229).

Про волю к власти в межличностных взаимоотношениях тоже сказано достаточно. Ницше бы ее, безусловно, одобрил, но на деле она ведет к взаимному порабощению. Никакой свободы власть не дает. Она

неразрывно связана с управлением и ответственностью, с необходимостью манипулировать подчиненными, следить за ними для обратной связи, подозревать их. Чем больше власти (в пределе — у тирана), тем больше зависимость. Ницше недаром превозносил хитрость властных людей, она им обязательно нужна, но какую свободу дает хитрость? Она же искажает собственное мышление сильнее, чем информацию для окружающих.

Тем более весомый аргумент против упоения властью дает Гегель в притче о господине и рабе. Конечно, изначально господин достоин своей власти, он смелее и мужественнее раба. Но как только устанавливаются собственно властные отношения, так господин утрачивает связь с миром:

...господин, который поставил между вещью и собой раба, встречается благодаря этому только с несамостоятельностью вещи и потребляет ее полностью; сторону же самостоятельности [вещи] он предоставляет рабу, который ее обрабатывает (Гегель, Шпет, 2000: 101).

Это же, заметим, характерно и для власти над предметом познания. Как только ты им овладел, так и утратил познавательную связь с ним. Для познавательной связи необходимо непонимание, вопрошание и отделенность, необходимо удивление. Об этом хорошо писал Г. Б. Гутнер (Гутнер, 2018).

ИСТИНА И СВОБОДА

Чего не учел Ницше? Что еще было бы нужно, чего нам не достичь на пути повышения власти и могущества?

Стало уже понятно, что познание как форма овладения уводит нас от существа предмета. Мы увлекаемся своим пониманием, начинаем интерпретировать и обживать, предмет теряет чуждость, делается знакомым, нам теперь «все просто» и не надо думать. Однако Ницше бы не счел это проблемой. Наоборот, он сказал бы: зачем проблемы, если есть прекрасное чувство могущества? «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас» (старая песня «Машины времени»). Прогнуть мир под себя — вот задача.

Но та ли это задача, которой должен желать мыслитель? Здесь я буду говорить только о мышлении. Понятно, что политику и практику вполне желательно прогнуть мир, они испокон веков действовали по заветам Ницше, не зная ничего о нем. Однако для мыслителя в такой системе ценностей чего-то определенно не хватает. Хотелось бы сказать,

собственно, истины. Но это необоснованная претензия. В чем критерий истины? Очень часто это именно практика, поскольку все остальное малодоступно. И есть большое искушение сказать: то, что мир прогнулся, — это и есть свидетельство того, что мы познали его правильно.

Рассмотрим свободу. Ни Ницше, ни его последователи в современной эпистемологии ее, как правило, не рассматривают. Истину связал со свободой Хайдеггер в знаменитом тексте «О сущности истины»: «Сущность истины есть свобода» (Хайдеггер, Зайцева, 1991: 8). Что тут понимается под свободой? Хайдеггер дает важнейшее определение: «Свобода есть экзистентное, высвобождающее допущение бытия сущего» (там же). Хайдеггер пишет о том, что сущее открывается, когда человек находится в согласованности с ним, когда он сам открывается ему. Трудно привести более яркий аргумент против понимания сознания как власти над сущим. Как раз полный отказ от власти, высвобождающее допущение бытия! Освободить сущее от себя, созерцать его в его «непотаенности», быть крайне бережным и осторожным. Согласовать себя с сущим, а не сущее с собой. Удивляться, как пишет Гутнер. Не распространять собственное понимание и интерпретацию на сущее, не пытаться его «переварить», как сказал бы Сартр. Попытаться так принимать сущее, чтобы своим познанием не уничтожить его. Чтобы в нем оставалась тайна, чтобы его можно было познавать бесконечно.

Здесь возникает вопрос о свободе субъекта. Мы поняли, что сущее должно быть от нас свободно, тогда в его свободе оно будет самим собой и, возможно, откроется нам. Это будет означать созерцание истины. Но мы ведь прежде всего сами хотим быть свободными. Не означает ли такое самоограничение и такой отказ от власти одновременно и отказа от нашей свободы? Не состоит ли наша свобода в неограниченном распространении себя в мир, в том числе в познавательной сфере? Ницше, возможно, сказал бы именно так.

Я полагаю, что все наоборот. Я уже замечала выше, что власть в интересубъективном смысле, власть тирана, ни в коем случае не является свободой тирана. Управление подчиненными, оптимизация их деятельности, обратная связь с ними, подавление недовольства — все это требует огромных сил и внимания. Кто более свободен на предприятии: рабочий или менеджер? Рабочий занят 8 часов, остальные часы у него в его распоряжении. Менеджер озабочен все время. Рабочий отчужден от своего труда, но зато владеет самим собой. Менеджер вникает во всю работу и распространяет себя на нее, но за счет этого не принадлежит самому себе. Это не значит, конечно, что жизнь рабочего

интереснее и осмысленнее жизни менеджера, — обычно наоборот. Но личной свободы у менеджера меньше. Недаром творческие люди часто работали «дворниками и сторожами», сохраняя свободу и независимость для своего творчества. Чтобы быть свободным, лучше держаться подальше от властной вертикали.

Если же обратиться к теории познания, то надо сказать о продуктивности непонимания. И здесь тоже непонимание, вопрошание — это и есть свобода мысли. Стоит читать Л. Витгенштейна — от «Философских исследований» до дневников. Он постоянно задает вопросы, возражает сам себе, мыслит вслух, тут же отказывается от мысли и предлагает следующую. Вот его собственные слова:

Если я думаю только для себя, не желая написать книгу, я прыгаю вокруг темы; это единственный способ мышления, свойственный мне. Выстраивать мысли в упорядоченную последовательность для меня мука. Должен ли я пытаться? Я прилагаю немислимые усилия, располагая мысли, которые могут не иметь никакого значения (Витгенштейн, Добросельский, 2010: 56).

Выдвижение гипотез, кантовская спонтанность синтезов — это свобода, и вдвойне свобода, если дополнена самокритикой и рефлексией. Чтобы обратить взгляд на самое себя, уже нужна свобода, потому что сам по себе, рефлекторно взгляд устремляется вовне.

И над всем властвует постоянное вопрошание. Фактически это работа субъекта с самим собой, анализ собственного непонимания (и частичных проблесков понимания). Это может показаться парадоксальным, но непонимание есть такое же достояние субъекта, как и понимание. Оно позволяет ему остаться самим собой.

Мне кажется, что это стремление остаться самим собой лежит в основе того внутреннего отращения, которое вызывает у многих теория воли к власти. Поскольку Ницше ее продумал до самых крайних выводов, как мы видели, он совершенно справедливо указывает, что она отрицает поиск истины и тем самым свободу. Она никак не совместима с хайдеггеровским допущением бытия сущего. А нам, чтобы быть самими собой, нужна гармония с миром, нам надо, чтобы мир тоже был самим собой. Тем более это так для философа. Философ стремится к пониманию, но обладает он больше всего собственным непониманием. Он зависает над бездной, он удерживает противоположности, он сомневается и ищет. Это банальности про философское вопрошание, но из этих банальностей следует, что мыслит философ в полном противоречии

с учением Ницше, а следовательно, и с эволюционной эпистемологией, и радикальным конструктивизмом.

Аналогичное внутреннее отвращение вызывает и теория понимания как пищеварения. Причем такое же чувство она вызывала и у самого Сартра. Он пишет, что познание «лишает объект невинности» (Сартр, Колядко, 2004: 581), по сути, уничтожает его. Мы стремимся познавать так, чтобы при этом объект оставался нетронутым. По Сартру, это невозможно. А по Хайдеггеру, возможно, поскольку мы распоряжаемся собственной свободой и можем занять такую позицию в отношении мира, чтобы позволить ему быть. Фактически это означает отказ от понимания. Это довольно странный вывод, и о нем надо сказать несколько слов.

БЕССИЛИЕ И НАСЫЩЕННЫЙ ФЕНОМЕН

Противоположность воли к власти (или просто власти) — бессилие. Это принципиальный отказ от власти как в экзистенциальном отношении к миру, так и в качестве феноменологической установки. Именно бессилием, по существу, и является императив «позволить сущему быть». Это означает не претендовать на распространение своей субъектности на бытие вокруг себя. Отказ от овладения, от пищеварительной установки к пониманию. И, как мы видели выше, отказ от интерпретации. Это сильное самоограничение, требующее радикального обращения субъекта на самое себя. Собственные силы тратятся только на то, чтобы ограничить их же действие в мире. Фактически сделать себя пассивным приемником сущего, созерцать его без претензии на схватывание, привести себя в гармонию с миром, а не мир в гармонию с собой.

Трудно спорить с тем, что власть — это потребность субъекта, часто он к ней стремится. Но при зрелом размышлении становится ясно, что другая его потребность — это бессилие. Субъект хочет видеть мир, автором которого является не он сам. Он хочет видеть мир как он есть. Свобода в рамках созданного самим субъектом иллюзорна. Настоящая свобода заключается в истинном познании, пусть это будет даже познанная необходимость. Бытие сущего надо допустить.

Как экзистенциальное переживание, бессилие может быть тяжелым пиковым опытом. Ясперс называл такие переживания пограничными ситуациями: угроза жизни, болезнь, ужасный проступок, вина и т. п. Это как раз те ситуации, где «бытие подходит к своей границе», где никакой власти у субъекта быть не может. И Ясперс же указывал, что такие ситуации являются началом философствования. Без них человек может вообще никогда не задаться вопросом о смысле чего бы то ни было.

Так же и вопросом о смысле сущего можно никогда не задаться, если воспринимать мир как поле для интерпретации его на свой лад. Необходимо дать дорогу в себя внешним смыслам. Но возможно ли это? Классическая феноменология, то есть Гуссерль, учит, что смыслы мы всегда конституируем сами для себя в собственном сознании (Гуссерль, Молчанов, 2010: 80). В этом, правда, могут принимать участие другие сознания (гуссерлевское преодоление солипсизма — интерсубъективность), но никаких внешних смыслов в мире быть не может. Здесь и у Гуссерля возникает проблема понимания нового, но он оперирует в числе прочего понятием созерцания (Гуссерль, Молчанов, 2011: 9), так что приток внешней информации некоторым образом обеспечивается. Не отрицает он и новизну в опыте. Однако все-таки в классической феноменологии мы по большей части находимся «внутри» субъекта. Понимание в ней — это то же сартровское пищеварительное отношение.

Обратимся к постфеноменологии и Ж.-Л. Мариону, который вводит понятие «насыщенный феномен» (Марион, Земскова и Юдин, 2014: 79). По Мариону, насыщенный феномен превосходит возможности понимания. Марион опирается в том числе на Канта, который некоторым образом противопоставляет созерцание и мышление в понятиях. Обычно они соответствуют друг другу, для каждого созерцания находится соответствующее понятие. Иногда богатство понятий превосходит возможности созерцания — Марион называет это бедными феноменами (формальные языки, математика). Для обычных феноменов в основном созерцания и понятия согласованы, но Марион усматривает в них все же нехватку созерцания, восполняемую горизонтом и интерпретацией (это так, но могло быть и по-другому — думаем мы; нам всегда вместе с восприятием есть о чем подумать). И, наконец, феномены с избытком созерцания, которые не умещаются в горизонте, не допускают интерпретации, останавливают деятельность конституирующего Я. Пример, который он приводит и явно имеет в виду в основном его, — Откровение.

У Мариона насыщенность — это характеристика феномена. Феномен может быть насыщенным, а может и не быть. Например, математические феномены насыщенными не бывают, им не хватает созерцания. С этим уже хочется поспорить, хотя в том, что касается современной математики, он прав. Тем не менее общую установку субъекта он не рассматривает, однако мы можем это сделать. Выше я ввела такую установку — бессилие.

В терминах Мариона бессилие ведет к тому, что насыщенным феноменом становится весь мир. Это полная противоположность пищеварительной установке: феномены не перевариваются, не схватываются и не усваиваются, не интерпретируются, не осваиваются и не попадают под власть. Остается лишь созерцание. Субъект обретает нейтральное восприятие, независимое от практического применения. Это именно независимость, и она дорого стоит. Для этого субъект должен радикальным образом преобразовать самого себя.

Возможно ли осознанно принять установку бессилия и созерцать мир как насыщенный феномен? Мы ведь всегда что-то понимаем и осмысляем. Остановить понимание невозможно. Оперировать смыслами — это единственное, что умеет делать наше мышление. Его суть — это деятельность, созерцание без осмысления дается ему с огромным трудом.

Здесь я вступаю на зыбкую почву. Однако все же есть достаточно примеров, на которые можно опереться. Я уже называла Витгенштейна — это пример постоянного вопрошания и очень критичного отношения к собственным мыслям. Одна из его фраз о себе:

Даже если мы не мыслим по кругу, порой мы идем напрямик через чащу вопросов на открытую местность, порой движемся негорной, извилистой тропой, которая никуда не выводит (Витгенштейн, Добросельский, 2010: 118).

Он вообще-то ничего не говорил о созерцании и был от этого концепта крайне далек, но можно сказать, что задача мышления была для него своего рода насыщенным феноменом. Он, конечно, пытался осмыслить и понять, но при этом больше всего рефлексировал собственное непонимание. Этим его тексты привлекают все новые поколения читателей.

Но самым ярким примером мышления без власти для меня являются мистические традиции. Вот слова Дж. Руми — великого представителя суфизма:

Разве ищут по тому месту, которое уже было исписано, или сажают росток туда, где растет другой? Нет, ищут чистый лист бумаги и сеют зерно, где не было посеяно. Брат, будь голой землей, будь чистым листом бумаги, которой не коснулись письма, чтобы тебя могло облагородить перо откровения и дабы Благодатный мог посеять в тебе зерно (Руми, Тираспольский, 1998: 47).

И еще:

Прекрати болтовню! Как жаль, что ты не знаком с внутренней тишиной! Пошлифуй сердце день или два, сделай это зеркало книгой размышления (там же: 64).

Внутренняя тишина — вот какое идеальное состояние называет Руми.

Конечно, не всякий человек станет разделять цель суфия — узрение Бога. Этим мистика может показаться неубедительной. Если субъект стоит на точке зрения Ницше, изложенной в начале моей статьи, то практическая польза от овладения миром значительно превысит для него выгоды от созерцания, которому сопутствует то, что он считает фантазией. Но в принципе говорить о Боге необязательно. Внутренняя тишина — это такое важное переживание субъекта, что почти любой может его оценить. Вендискурсивное созерцание вышло из моды, поэтому и остается в маргинальных традициях, но субъект может и сейчас тренировать его для себя и увидеть, что новое ему откроется. В некотором смысле это медитация, однако не требующая ухода от мира и мирской аскетике — это аскетика, но чисто умственная.

При этом помимо внутренней тишины, субъект расширяет собственное понимание. Уходя от попыток понять как можно больше и как можно лучше, он обретает новизну и неожиданность. Это парадокс, новизна понимания в ответ на отказ от понимания, но этот парадокс реализуется в жизни. Поскольку для установки бессилия мир становится насыщенным феноменом, он приносит новые смыслы и поворачивается неожиданной стороной. Любой текст, если к нему подходить как к потенциально великому, может обогатить.

Здесь, конечно, возникает проблема критического отношения к воспринимаемому. Далеко не все в нашем мире стоит того, чтобы ему открываться, взирать на него с восхищением, да даже и «допускать его бытие». Мир переполнен информационным мусором, причем этот мусор со всей силой заряжен как раз ницшеанской волей к власти: он только и стремится овладеть нашими умами. Я уже не говорю о преступных идеологиях.

Как бороться с нежелательным информационным содержанием? При помощи тонкой настройки системы ценностей. Бессилие в феноменологическом и экзистенциальном смысле отнюдь не противоречит развитию и обдумыванию ценностей. Тем более что оно само по себе является ценностью: прежде чем его принять, надо этого захотеть. Остальные ценности, возможно, окажутся с ним связаны: мир и покой, сострадание, внимательность, любовь и так далее.

Это заключение приводит к новому вопросу: каким образом бессилие сочетается с бытием Я, с развитием и самоанализом личности субъекта? Если обратиться к цитированным мною суфиям, то их теория личности однозначно отрицательная, собственное Я у них является помехой

и подлежит растворению в мистическом экстазе (суфизм в этом близок к буддизму). Аналогично, думается, рассуждали бы неоплатоники.

Бессилие как отказ от власти приводит к остановке множества жизненных проектов. Этим элиминируется и значительная область Я. Но я полагаю, что определенная область не подлежит элиминации и что это как раз настроенность на ценности, а также на творчество и необходимую для этого интуицию. Экспансия Эго вовне останавливается, оно обращается на самого себя, чтобы себя некоторым образом преобразовать, а для этого познать. И систему ценностей ему еще предстоит построить (а это очень загадочный процесс). Поэтому я не думаю, что личность должна полностью пропасть. Она просто строится на других основаниях и по-другому, более неуловимо и тонко. Однако в целом эту тему еще нельзя считать разработанной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знание в его классическом виде неразрывно связано с властью. Как Ницше, так и современные эпистемологические учения понимают под властью стремление выжить и распространить свое влияние на внешний мир, овладеть миром. При этом и под миром тоже можно понимать, например, мир идей — им субъект также хочет овладеть. Знание предполагает понимание, а понимание — интерпретацию, то есть преобразование идей и манипуляцию ими. Во многих случаях манипуляция идеями открывает дорогу и манипуляции людьми. Сартр называет овладение знаниями пиццеварительным отношением, имея в виду схватывание, усвоение и преобразование идей.

Может показаться, что мы обречены на такую связь знания и власти, однако она вызывает неприятие и поиски альтернативы. Отталкиваясь от слов Хайдеггера о свободе как о «высвобождающем допущении бытия сущего», я предлагаю для осмысления феноменологическую и экзистенциальную установку бессилия как осознанного отказа от власти. Поскольку речь идет о власти знания, бессилие означает также отказ от интерпретирующего понимания и отношение к миру как к «насыщенному феномену» по Мариону. Из всего собственного содержания субъект сосредотачивается на ценностях.

Не стоит бояться, что нас это обеднит и уничтожит. Воля к власти никогда не обратится в ноль. Также никогда не остановится и понимание. Возможно, все в конце концов только и сведется к ценностям — но и это уже немало.

ЛИТЕРАТУРА

- Витгенштейн Л.* Культура и ценность. О достоверности / пер. с англ. Л. Добросельского. — М. : АСТ, Астрель, 2010.
- Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. — М. : Наука, 2000.
- Гуссерль Э.* Картезианские медитации / пер. с нем. В. И. Молчанова. — М. : Академический проект, 2010.
- Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II / пер. с нем. В. И. Молчанова. — М. : Академический проект, 2011.
- Гутнер Г. Б.* Начало и мотивация научного познания : Рассуждение об удивлении. — М. : ЛЕНАНД (изд. гр. URSS), 2018.
- Лоренц К.* Кантовская доктрина априори в свете современной биологии / пер. с англ. А. Б. Толстова // Человек. — 1997. — № 5. — С. 19–41.
- Марион Ж.-Л.* Насыщенный феномен / пер. с фр. В. В. Земсковой, Г. Б. Юдина // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. — М. : Академический проект, Гаудеамус, 2014. — С. 63–99.
- Ницше Ф.* Воля к власти как познание / пер. с нем. Е. Соловьевой // Воля к власти : пер. с нем. — М. : Эксмо, 2017. — С. 291–365.
- Руми Д.* Сокровища воспоминания. Суфийская поэзия / пер. с англ. Л. Тираспольского. — М. : ИИФ ДИАС, 1998.
- Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто : опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. — М. : Республика, 2004.
- Фоллмер Г.* Эволюционная теория познания : врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / пер. с нем. А. В. Кезина. — М. : Русский Двор, 1998.
- Фуко М.* Воля к истине : по ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. В. Табачникова. — М. : Касталь, 1996.
- Хайдеггер М.* О сущности истины / пер. с нем. З. Н. Зайцевой // Разговор на проселочной дороге : Сборник : пер. с нем. / под ред. А. Л. Доброхотова. — М. : Высшая школа, 1991. — С. 8–27.
- Хайдеггер М.* Вопрос о технике / пер. с нем. В. В. Бибикина // Время и бытие : пер. с нем. — М. : Республика, 1993. — С. 221–237.

Kosilova, Ye. V. 2023. "Ot voli k vlasti k bessiliyu [From Will to Power to Powerlessness]: epistemologicheskii analiz [An Epistemological Analysis]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (2), 26–42.

YELENA KOSILOVA

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY; ASSOCIATE PROFESSOR

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-2261-7680

FROM WILL TO POWER TO POWERLESSNESS AN EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS

Submitted: Mar. 20, 2023. Reviewed: Apr. 22, 2023. Accepted: Apr. 24, 2023.

Abstract: The article is devoted to the correlation problem between power and knowledge. F. Nietzsche analyzes the truth in the light of the will to power. Nietzsche broadly interprets the will to power as a common vital energy, the desire to spread one's subjectivity. In this sense, he is close to M. Scheler and A. Bergson (*elan vital*). The criterion of truth is usefulness for life. Knowledge appears as a tool for increasing power. Linking knowledge and life goals, Nietzsche anticipated evolutionary epistemology. It is impossible to talk about the world as it is. The world is only an arena for the deployment of power; it is essentially subjective. J.-P. Sartre calls the acquisition of knowledge a "digestive attitude." Unlike Nietzsche, M. Heidegger connects truth with freedom. Power and freedom are incompatible, therefore, in striving for freedom and thus for truth, the subject must give up power. He adopts an existential position of conscious powerlessness. In this position, the world is revealed to him as a saturated phenomenon (J.-L. Marion). The attitude to the world as a saturated phenomenon does not allow manipulation, interpretation, and appropriation. When applied to the analysis of philosophical thinking, this means a refusal to build systems, constant questioning, attempts to understand, and at the same time objections to oneself, an example of which is L. Wittgenstein. In the mystical tradition of Sufism, the rejection of interpretive thinking corresponds to "inner silence." The Self of the subject does not disappear, and its activity is to develop a system of values.

Keywords: Will to Power, Knowledge, Powerlessness, Freedom, Saturated Phenomenon, Nietzsche, Heidegger, Marion.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-26-42.

REFERENCES

- Foucault, M. 1996. *Volya k istine [The Will to Truth]: po tu storonu vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [Beyond Power and Sexuality. Works of Different Years]* [in Russian]. Trans. from the French by S. V. Tabachnikov. Moskva [Moscow]: Kastal'.
- Gutner, G. B. 2018. *Nachalo i motivatsiya nauchnogo poznaniya [The Basis and Motivation of Scientific Knowledge]: Rassuzhdeniye ob udivlenii [Discourse on Wonderment]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: LENAND (izd. gr. URSS).
- Hegel, G. W. F. 2000. *Fenomenologiya dukha [Phänomenologie des Geistes]* [in Russian]. Trans. from the German by G. G. Shpet. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Heidegger, M. 1991. "O sushchnosti istiny [Vom Wesen der Wahrheit]" [in Russian]. In *Razgovor na proselochnoy doroge [A Conversation on a Country Road] : Sbornik [A Collec-*

- tion], ed. by A. L. Dobrokhotov, trans. from the German by Z. N. Zaytseva, 8–27. Moskva [Moscow]: Vysshaya shkola.
- . 1993. “Vopros o tekhnike [Die Frage nach der Technik]” [in Russian]. In *Vremya i bytiye [Zeit und Sein]*, trans. from the German by V. V. Bibikhin, 221–237. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Husserl, E. 2010. *Kartezianskiye meditatsii [Cartesianische Meditationen]* [in Russian]. Trans. from the German by V. I. Molchanov. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt.
- . 2011. *Logicheskiye issledovaniya [Logische Untersuchungen. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis]* [in Russian]. Trans. from the German by V. I. Molchanov. Vol. II. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt.
- Lorenz, K. 1997. “Kantovskaya doktrina apriori v svete sovremennoy biologii [Kant’s Doctrine of the A Priori in the Light of Contemporary Biology]” [in Russian], trans. from the English by A. B. Tolstov. *Chelovek [Human]*, no. 5, 19–41.
- Marion, J.-L. 2014. “Nasyshchennyy fenomen [Le phénomène saturé]” [in Russian]. In *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za yeye predelami [(Post)phenomenology]: New Phenomenology in France and Beyond Its Borders*, ed. by S. A. Sholokhovoy, ed. by A. V. Yampol’skaya, trans. from the French by V. V. Zemskova and G. B. Yudin, 63–99. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt / Gaudeamus.
- Nietzsche, F. 2017. “Volya k vlasti kak poznaniye [Wille zur Macht als Wissen]” [in Russian]. In *Volya k vlasti [Wille zur Macht]*, trans. from the German by Ye. Solov’yeva, 291–365. Moskva [Moscow]: Eksmo.
- Rumi, J. 1998. *Sokrovishcha vospominaniya. Sufiyskaya poeziya [Jewels of Remembrance. Sufi Poetry]* [in Russian]. Trans. from the English by L. Tiraspol’skiy. Moskva [Moscow]: IIF DIAS.
- Sartre, J.-P. 2004. *Bytiye i nichto [L’Être et le néant]: opyt fenomenologicheskoy ontologii [Essai d’ontologie phénoménologique]* [in Russian]. Trans. from the French by V. I. Kolyadko. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Vollmer, G. 1998. *Evolutsionnaya teoriya poznaniya [Evolutionäre Erkenntnistheorie]: vrozhdënnyye struktury poznaniya v kontekste biologii, psikhologii, lingvistiki, filosofii i teorii nauki [Angeborene Erkenntnisstrukturen im Kontext von Biologie, Psychologie, Linguistik, Philosophie und Wissenschaftstheorie]* [in Russian]. Trans. from the German by A. V. Kezin. Moskva [Moscow]: Russkii Dvor.
- Wittgenstein, L. 2010. *Kul’tura i tsennost’. O dostovernosti [Culture and Value]* [in Russian]. Trans. from the English by L. Dobrosel’skiy. Moskva [Moscow]: АСТ / Astrel’.